

Корреспондент «ФАКТОВ» встретился с участником тех трагических событий старшиной 2-й статьи, бывшим командиром отделения электриков группы управления артиллерийской боевой части (БЧ-2) Леонидом Иосифовичем Бакши.

Старшина 2-й статьи Леонид Бакши, служивший уже пятый год, вспоминает:

- Я уже спал — наше отделение артиллерийских электриков группы управления БЧ-2 располагалось тогда в первом кубрике, и все было спокойно. Как вдруг — удар, и я выпал из койки, потерял на какое-то время сознание, ударившись о переборку. А когда очухался, то был весь в какой-то слизи — не сразу сообразил, что это ил. У меня были разбиты голова, руки. В кубрике было темно, и раздавались крики. Я крикнул: «Прекратите орать!» И, на удивление, шум прекратился, все замолчали. Посмотрел в огромное отверстие вниз — там бурлила вода, поглядел вверх — увидел в проломе верхней палубы капитана 2-го ранга Сербулова — помощника командира корабля. Я оказался в трех метрах от столба взрыва, спасло меня только то, что между ним и мной были рундуки.

Поддерживая друг друга, мы, оставшиеся в живых, пошли почему-то не в соседний, четвертый, кубрик, а прямо через пролом полезли на верхнюю палубу. Нас провели в 28-й кубрик, где составили список всех оставшихся в живых из нашего подразделения. И в это время линкор стал наклоняться на левый борт.

Перед опрокидыванием мы сидели у люка, который вел в салон командующего эскадрой (мы там были расписаны по приборке — туда и собрались). Сидели втроем на диване: я, Саша Боголюбов (он остался жив, живет сейчас в Харькове) и Леня Серяков (погиб). Почувствовали, что корабль резко кренится. Леня сказал: «Давайте выбираться». Как только мы оказались на палубе, корабль перевернулся, а я очутился под ним. Спасло меня, по всей видимости, мое умение ориентироваться: я поплыл под водой поперек корабля, сбрасывая с себя бушлат, робу, ботинки, которые, к счастью, были незашнурованными, — и остался в одних трусах. Рядом оказался баркас — крючковой подал мне отвальный крюк, за который я ухватился левой рукой, и так меня втянули в баркас.

Сначала всех спасенных отвезли в госпиталь, а затем, на второй день, в учебный отряд. Из группы управления погибли 12 или 13 человек. Дали нам робу, неновую обувь...

- Как сложилась ваша дальнейшая судьба?

- 13 ноября вышел приказ министра обороны об очередном увольнении, а 22 ноября меня, 25-летнего парня, уволили в запас (25 мне исполнилось 30 октября). Первые похороны, насколько я помню, состоялись 31 октября.

К могиле на кладбище Коммунаров (здесь похоронены 43 моряка, остальные — почти 600 — на Севастопольском братском кладбище. — Авт.) пропускали в основном «новороссийцев». Мы пришли из учебного отряда строем. Кладбище оцепили двумя-тремя рядами моряков, и гражданские передавали нам цветы, просили положить их на могилу. У меня оказалась такая охапка цветов, что я едва удерживал ее. Всю могилу засыпали цветами — земли не было видно.

Из учебного отряда меня, как и многих, уже никуда не расписывали, а просто уволили. Большинство моряков по ночам вскакивали и бились в истерике — от переживаний...

... Летом 1958 года экспедиция особого назначения приступила к подъему линкора методом продувания. Подготовка к подъему была полностью завершена к концу апреля 1957 года. Генеральную продувку начали с утра 4 мая, и в тот же день завершили подъем. Весть о предстоящем всплытии линкора разнеслась по всему Севастополю, и, несмотря на сильный дождь, все берега бухты и близлежащие холмы были усеяны людьми. Носовая оконечность медленно всплыла после начала генеральной продувки, а корма — еще через час. Всплытие было бурным — вследствие интенсивной продувки, вызванной желанием завершить подъем в присутствии командующего Черноморским флотом адмирала Касатонова. Корабль всплыл кверху килем...